

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

В сентябре 1918 года я был назначен на должность командующего Восточным фронтом. До своего назначения я не знал и не видел никого из руководителей Красной Армии. Никогда не видел и Владимира Ильича.

Заняв должность командующего Восточным фронтом, я, естественно, познакомился со многими товарищами, занимавшими тогда руководящие посты в Красной Армии. И не только познакомился с руководством Владимира Ильича военными делами, но и прошел абсолютно новую для меня школу по организации и руководству военным делом, включая в это понятие и создание, и организацию, и дисциплину, и боевое руководство Красной Армией, а также и организацию борьбы в период гражданской войны.

Обойти этот вопрос я не могу потому, что, берясь за воспоминания о Владимире Ильиче, прежде всего вспоминаешь то неизгладимое впечатление, которое создавалось от его руководства в области военного дела.

Освоение новой школы военного дела, приобретенное мною на Восточном фронте, особо подчеркиваю. Так как я прошел империалистическую войну с первого и до последнего ее дня, то новых впечатлений о новых методах и приемах борьбы, как и у каждого участника, естественно, накопилось у меня больше чем достаточно. Не скрою, что в отношении накопления материалов по всем этим новшествам и подготовленности для творчества всякого рода «выводов» из опыта империалистической войны я считал себя вполне подготовленным. И несмотря на это, я с полным убеждением утверждаю, что по самому основному вопросу войны я, участник империалистической войны, вывода не сделал. Я проглядел, что понятие воевать и драться на войне — не одно и то же. Оказывается, можно просто, что называется формально, — воевать — то, что имело место в империалистической войне, и можно действительно драться за победу — это то, чему меня научило руководство Владимира Ильича. Это та работа большевистской партии под руководством Владимира Ильича, которая дала миллионам осознание целей и задач войны и влила в уставшие и истерзанные империалистической войной массы новые силы для побед в гражданской войне. Война в данном случае приобретала многообразные формы борьбы.

Сегодня красноармейские полки проходят интенсивнейшую политическую обработку, а завтра они — сильнейшие носители полученной зарядки — уже сами заряжают окружающую среду, поднимают эту среду на борьбу за задачи

социалистической революции. Они вносят развал в ряды бойцов белогвардейских частей или войск интервентов. Они переворачивают таким порядком потрясающий все старые основы переворот на громадных пространствах, после которого все «хотят красных» и все против белых, о чем свидетельствовали наши даже самые ожесточенные враги вроде английского генерала Нокса, военного советника адмирала Колчака, который в 1919 году писал своему правительству: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым»*.

Политическая работа идет и на территории, занятой белогвардейцами, она принимает и там свое боевое оформление в виде партизанских отрядов. Эти последние, как и части Красной Армии, также становятся сильными не только как боевые единицы, но и как носители идей и задач социалистической революции уже на территории врага.

Средства борьбы множатся, нагромождаются и вырастают в несокрушимую силу. Эта сила могла только побеждать.

Я был буквально ошеломлен и новизной, и широтой, и глубиной организации, и построением борьбы в целом. Не удивительно, что вынесенные мною впечатления от империалистической войны меня уже теперь не подавляли, а, наоборот, война поражает меня своей односторонностью: она велика была только по своим цифровым выражениям. Организация же борьбы, материальная база и неспособность военного руководства были в полном несоответствии с численностью армии, и наконец, закостенелые формы борьбы превратили эту войну в гигантскую бойню человечества, не говоря уже об империалистических целях и задачах, которым служила эта война.

Но дело тут не столько в несоответствии, сколько в преувеличении значения таланта полководца, а последний в империалистической войне считался решающим фактором побед. Такое положение вещей, по существу, снимало с повестки дня и план и организацию борьбы. Достаточно указать, что мобилизация армии, собственно, исчерпывала все понятие об организации борьбы. Несколько больше, чем следует, я отклонился от темы воспоминаний только потому, чтобы резче подчеркнуть то новое, что должно было поразить меня и поразило, когда я стал непосредственным участником борьбы Красной Армии на Восточном фронте.

Возвращаясь к воспоминаниям в отношении важнейшего звена в организации обороны — красных вооруженных сил,

* Гражданская война 1918—1921 гг., т. II, М., 1928, стр. 412.— *Ред.*

особенно подчеркиваю новые, своеобразные методы создания красных вооруженных сил.

Владимир Ильич дал нам непревзойденный в военной истории пример создания армии как инструмента политики.

Основным костяком Красной Армии были рабочий класс и революционные командиры — члены партии. Большевики были цементирующим началом в отношении как политической сознательности, так и боевой стойкости частей. Крестьяне из бедняков быстро сливались с основным костяком, усиливая его численно. Остальное крестьянство крепко обрабатывалось этими кадрами.

С боевыми качествами частей Красной Армии я впервые познакомился при следующих обстоятельствах. Это было немедленно по моем вступлении в командование фронтом. На бугульминском направлении, прикрывавшем Ульяновск (тогда Симбирск), среди других частей находился латышский полк. Этот латышский полк пользовался заслуженной славой крепкой боевой единицы, в силу чего на данном направлении являлся основой устойчивости. Главнокомандующий потребовал вывода этого полка из боевой линии и отправки его в Серпухов, где тогда располагался штаб главного командования.

Лишиться основы, на которой строилась устойчивость обороны на данном направлении, естественно, было крайне болезненно. Я опротестовал это решение главнокомандующего, прося хотя бы отсрочки выполнения его. Протест был отклонен, и вторично был указан самый минимальный срок для отправки полка в Серпухов. Делать было нечего, пришлось выполнять.

Видя мое затруднение, один из членов РВС* Восточного фронта спросил меня, почему я считаю, что латышский полк трудно заменить. На мою реплику, что этот полк высоко боеспособный, он спокойно ответил, что я очень заблуждаюсь, если считаю, что другие полки, находящиеся на этом же направлении, менее боеспособны и что, в частности, Владимирский рабочий полк, пожалуй, по боеспособности даже выше латышского полка, так как последний достаточно утомлен.

Приказание было отдано — владимирцы сменили латышский полк. Немного спустя на бугульминском участке развернулись боевые действия. Владимирцы не только оправдали оценку, данную им, но и показали себя значительно выше того, что в империалистическую войну вкладывалось в по-

* Революционный военный совет.— *Ред.*

нятие боеспособности части. Рабочие-владимирцы дали мне первый урок боевой оценки частей Красной Армии.

Участвуя в создании Красной Армии на Восточном фронте, внимательно следя за каждым шагом ее роста, я сам на себе чувствовал, как под политическим руководством Владимира Ильича Красная Армия становилась доподлинным инструментом политики рабочего класса, становилась носителем великих задач пролетарской революции.

Особо приходится отметить политический рост Красной Армии, доведенной до осознания своих задач, как задач борьбы мирового пролетариата. После этого становятся для меня особенно понятными слова Владимира Ильича, произнесенные им в Московском Совете 5 мая 1920 года, что «ни одна армия — ни французская, ни английская — не могла выдержать того, чтобы ее солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики» *.

В вопросе организации борьбы в целом помню мое удивление тому, каким образом было достигнуто полное уничтожение граней между тылом и фронтом. Тыла по сути дела просто не существовало. Достигнуто это было правилом Владимира Ильича, согласно которому, «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо» **. Это было сказано перед войной с белополяками, но вся гражданская война Владимиром Ильичем была проведена по этому, как Владимир Ильич говорил, правилу: все интересы страны и вся внутренняя жизнь страны были подчинены гражданской войне. При этих условиях вся страна была военным станом. Абсолютно новым в военном деле тут является постановка требования всю внутреннюю жизнь страны подчинить войне — вот именно тут и стирались грани, отделяющие фронт от тыла, именно тут создавалась, если можно так выразиться, монолитность всей организации борьбы. Проведение в жизнь этого правила является новой наукой о войне. Государственные органы перестраивают свою работу. Создаются новые государственные органы с чрезвычайными полномочиями — Чусоснабарм ***, Продарм. Местная власть перестраивается, где это необходимо по ходу событий, в гибкую, весьма подвижную, с громадными полномочиями организацию ревкомов, работа которых протекает в тесной увязке с военным командованием. Дело тут, конечно, не в форме перестройки госу-

* В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 108.— *Ред.*

** В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 112.— *Ред.*

*** Чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Красной Армии.— *Ред.*

дарственных аппаратов и создании новых, а во всей политике, которая получила наименование «военного коммунизма».

Само собою ясно, что и перестройка и создание новых органов были подчинены требованию политики.

При этих условиях внутренняя жизнь страны действительно могла быть подчинена войне, и она была ей подчинена.

Руководство Владимира Ильича гражданской войной, повторяю, является законченной наукой о войне всей страной. Эта наука особенно ценна теперь, когда война выливается в технические формы борьбы, когда вся борьба разворачивается вглубь на громадные пространства и когда население страны уже не сможет в порядке самотека *приспособляться к войне*.

Руководство Владимира Ильича сказывалось непосредственно на отдельных участках борьбы.

У меня сохранилось отчетливо воспоминание об этом по Восточному фронту, относящееся к периоду наших неудач на фронте.

Расстроенные части Красной Армии откатывались, теряя и устойчивость и порядок, но еще едва были заметны признаки наступающей стабилизации боевой линии, как уже появлялись новые живые силы на подкрепление обескровленных частей фронта. Поднимались новые коммунистические кадры, новые рабочие отряды — сперва прифронтовых районов, позднее из центра. Основной костяк Красной Армии креп, цементировался. Затем уже очередная мобилизация призываемых в Красную Армию восстанавливала утраченную в тяжелых боях численность.

Замечательна кипучая в этих случаях работа, проходящая по каналам центра. Вопрос идет не только о живой силе. Работа эта приводила в движение все силы и средства громадных районов и поднимала их на оборону. Производилась мобилизация внутренних ресурсов.

Предшествовала ли этой работе переписка между центром и фронтом, просьба, ходатайства и пр.? Никакой. Только короткие шифровки о складывающейся обстановке на фронте и не менее короткие распоряжения центра. В это время работа центра и фронта положительно сливалась в одно целое.

Перечислить многообразие и разнообразие каналов организации борьбы, обрисовать проводимую по ним работу для меня непосильно и невозможно хотя бы по одной разнообразности и разнохарактерности проводимых мероприятий. Достаточно указать, что в момент ликвидации кронштадтского восстания таким каналом организации борьбы оказался X съезд РКП, военные делегаты которого полностью были

брошены на Кронштадтский фронт во главе с К. Е. Ворошиловым.

Основной канал, конечно, был партийный. Именно он создавал молниеносность работы и устремленность, он был истоком творчества, напора и проверки исполнения. Тут опять выявилось лицо большевистской школы Владимира Ильича.

В бытность главнокомандующим мне пришлось лично видеть работу Владимира Ильича по организации обороны. Этот случай относится к периоду мамонтовского рейда по тылам Красной Армии в 1919 году. Рейд был чреват всякими последствиями, тем более, что Мамонтов, прорвав фронт, выскочил в Тамбовский район, зараженный в свое время эсеровщиной и антоновщиной. Поэтому понятно, что Владимир Ильич помимо мер борьбы по линии Красной Армии немедленно приступил к организации глубокой обороны на всех южных путях к Москве, захватив в эту глубокую оборону и Тулу (оружейный завод). Организация этой обороны была поручена члену РВС С. И. Гусеву. Организация обороны складывалась из инженерной обороны местности: строились окопы, оплетались проволочными заграждениями, затем формировались, вооружались, обучались отряды защиты, как пешие, так и конные, и, наконец, все население и местные власти военизировались — организовалась борьба местного населения на всех путях возможного появления мамонтовских казаков.

Вся эта организация обороны не была подчинена главнокомандованию и велась под непосредственным руководством Владимира Ильича, как сказано выше, особо выделенным товарищем. Такое решение надо признать не только правильным, но и мудрым. Главнокомандование не отвлекалось от основной задачи того времени — борьбы с Мамонтовым, и, что самое главное, вся организация борьбы на тыловых путях не отвлекала ни сил, ни средств фронта.

Как известно, Мамонтов не пошел вглубь, а пошел по ближайшим фронтовым районам, почему созданная глубокая система обороны не вступила в боевые действия. Однако несомненно, что принятые меры обороны показали бы себя с лучшей стороны, о чем можно судить хотя бы по фактам поведения населения в Тамбовском районе, где Мамонтов не нашел себе поддержки и вынужден был быстро его оставить, основательно разграбив.

Такая же оборона была организована и в период наступления Юденича пролетариатом Петрограда, который подготовил красную столицу к самой упорной борьбе, вплоть до уличной баррикадной борьбы.

Такие же примеры самодеятельной организации борьбы в истории гражданской войны мы видим в Оренбурге, Уральске и Туркестане.

Самый факт многочисленности каналов, по которым проводились мероприятия по оказанию поддержки боевым частям, по их усилению, по созданию новых мер борьбы, по использованию местных средств, по обеспечению успеха и пр. и пр., создавал громадное количество разнообразнейших мероприятий, направленных для борьбы. Получилось то, о чем выше было сказано и что я назвал борьбой за победу. Мы действительно дрались за победу всеми доступными для нас по тому времени путями. К сожалению, выполнение мероприятий зачастую было ограничено материальными возможностями. Тут невольно думается, что если бы мы тогда располагали современной техникой, то война вылилась бы в такие новые технические формы и методы борьбы, что, несомненно, была бы и в этой области произведена полная революция.

Считаю нужным оговорить, что методы работ главного командования и его штаба были далеки от отмеченных новых методов управления, но, что еще хуже, — может быть, я и ошибаюсь — главное командование, находясь в отрыве от центра в Серпухове, не видело всей этой работы Владимира Ильича и вело свою работу по старинке. Особенно темным пятном в этом отношении явилась работа центрального аппарата Наркомвоенмора — Всероглавштаба. Этот штаб являлся носителем худших методов тыловой деятельности, очевидно, он далеко еще не перестроился. Подчинялся он непосредственно Наркомвоенмору.

Скажу о лицах, назначаемых Владимиром Ильичем на ответственные посты в Красной Армии. Исключительный подбор членов РВС фронтов, армий и комиссаров дивизий и частей положительно бросался в глаза. Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной Армии, и Владимир Ильич знал каждого из них.

Ближе я знал членов РВС фронта и армий, почему мои впечатления складывались главным образом по этим товарищам. Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искушенного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости — они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Можно было бы привести тысячи примеров, подтверждающих сказанное. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позд-

нее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками. Очень многие комиссары частей заняли посты командиров этих частей и были прекрасными командирами.

Все сказанное выше, повторяю, относится ко времени, когда я еще не видел Владимира Ильича лично, и, если можно так выразиться, я его видел чужими глазами. Много, много мне рассказывали про Владимира Ильича мои новые товарищи-большевики, со многими из них я к этому времени близко сошелся и сдружился, но никто из них, на мой взгляд, правильно не обрисовал Владимира Ильича, и я этому не удивляюсь.

Мне кажется, что он для каждого и каждый раз был новым Владимиром Ильичем. Человек, обладающий таким богатством творческих мыслей и сил, не мог выглядеть однообразно, он должен был каждый раз казаться в новом свете.

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем произошла в исключительной для меня обстановке. В апреле 1919 года Восточный фронт перешел в наступление, которое с первых же шагов имело успех. Разворачивалась большая операция, закончившаяся впоследствии полным разгромом Колчака.

Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, 5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма «деликатной» форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что я был отстранен от командования,— я и до сего дня не знаю.

Крайне тяготясь своей вынужденной бездеятельностью в такое горячее время, я 15 мая 1919 года отправился в Москву просить о предоставлении мне какой-либо работы. В Москве я со своей просьбой обратился непосредственно к зампреду РВСР Э. М. Склянскому. Не получив определенного ответа, я в достаточно подавленном настроении ушел на вокзал для возвращения в Симбирск. Едва я прибыл на вокзал, как комендант станции передал мне приказание т. Склянского немедленно вернуться в РВСР. Прибыв к т. Склянскому, я получил приказание ехать с ним, и только в автомобиле он сказал, что мы едем к Владимиру Ильичу. Езды от РВСР до Кремля не более 2—3 минут, а при быстрой езде т. Склянского, я думаю, и того меньше.

Сообщение о том, что мы едем к Владимиру Ильичу, само собою разумеется, меня больше чем взволновало, тем более, что т. Склянский ни слова не сказал, по каким вопросам мне предстояло сделать доклад, да и к тому же я не имел при себе никаких материалов.

Приехав, мы поднялись на лифте. Мне предложено было подождать на площадке лестницы. Тов. Склянский ушел. Через минуту дверь была открыта, и я очутился сразу же в кабинете Владимира Ильича.

Владимир Ильич, смеясь, о чем-то говорил с т. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте. В начале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издание Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад. Эту карту я никогда не забуду, на ней имелись только основные ориентиры. От волнения у меня исчезли из памяти все названия деревень, где находились части Красной Армии и разворачивались боевые действия. Вероятно, заметив мое затруднительное положение, Владимир Ильич облегчил мне доклад подачей реплик, на которые давать ответы было уже много легче.

Обращая внимание Владимира Ильича на развитие военной операции, я стал восхищаться ее красотой. Владимир Ильич немедленно подал реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

Это замечание Владимира Ильича имело глубокий смысл. Я был военным специалистом старой школы, обученным и воспитанным на так называемых классических операциях, родивших «вечные и неизменные принципы» войны. Замечание Владимира Ильича, несомненно, отрезвляло меня и возвращало к реальным формам борьбы сегодняшнего дня.

Владимир Ильич интересовался, насколько достигнутые успехи устойчивы, что намечено и что делается для закрепления и для дальнейшего развития удара. Мое волнение еще и еще усилилось в связи с докладом об обстановке на фронте, с изложением перспектив возможного развития дальнейших операций. Меня тянуло сказать, что это только мои соображения, что я не у дел и являюсь только зрителем того, что происходит на фронте. Хорошо помню, что вопрос обо мне ни Владимиром Ильичем, ни т. Склянским затронут не был. На этом закончилась моя первая встреча с Владимиром Ильичем.

Выйдя из кабинета, я, негодуя на себя за свою растерянность, ожидал возвращения т. Склянского.

На обратном пути т. Склянский ни слова мне не сказал. Из РВСР я опять отправился на вокзал, и тут опять повторилась старая история, т. е. вскоре комендант станции вновь передал мне приказание немедленно явиться к т. Склянскому. На этот раз за мной была уже прислана машина.

В РВСР т. Склянский мне сообщил, что мне приказано

возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом. Такого оборота дела я никак не ожидал и даже считал это просто невозможным, о чем незамедля и сказал т. Склянскому. Как же я могу вернуться на должность командующего фронтом, когда буквально две недели назад был с этой должности снят? Кто же меня будет слушаться? За это т. Склянский меня достаточно внушительно отчитал, указав на неуместность моих сомнений.

Одновременно мне было передано приказание Владимира Ильича немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб главнокомандующего, и «договориться» с ним. Неожиданности этого дня продолжались и в Серпухове, где я узнал от главнокомандующего, что я был снят за неисполнение его приказания и вообще за недисциплинированность, о чем я узнал впервые, и самым категорическим образом стал протестовать. Тут-то трудное поручение найти «общий язык» чуть было не обратилось в невыполнимое, и только вмешательство члена РВС, сколько помню, т. Аралова привело к благополучному выполнению поручения. Уже поздно ночью возвратился я от главнокомандующего в Москву. Мысленно я решил на будущее быть абсолютно дисциплинированным и уж никак не давать повода главнокомандованию обвинять меня в этом недостатке.

Несмотря на это, в июне я в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу.

* *
*

8 июля 1919 года я был перемещен на должность главнокомандующего. По этой должности мне не приходилось принимать систематического участия в работах СНК и СТО. Лишь в отдельных случаях главнокомандующий вызывался для участия в обсуждении отдельных вопросов, стоящих на повестке дня.

В памяти сохранилась работа, проводимая Владимиром Ильичем на этих заседаниях СНК и СТО. Ярko сохранившийся в памяти *характер* этой грандиозной работы особенно подчеркиваю. В процессе обсуждения того или иного вопроса повестки дня Владимиру Ильичу непрестанно направлялись записки. На эти записки Владимир Ильич неуклонно давал письменные же ответы. Сам Владимир Ильич также задавал

вопросы такими же записками и, само собою разумеется, получал ответы на заданные вопросы. От РВСР постоянно присутствовал на заседаниях СНК и СТО зампред РВСР т. Склянский.

Такого рода записки на этих заседаниях получал и я. Содержание их относилось к вопросам обстановки на том или другом участке фронта, или они являлись проверкой исполнения отданного раньше Владимиром Ильичем распоряжения и постановления СНК или СТО. Получал я такие записки Владимира Ильича и через т. Склянского, когда последний не мог немедленно дать там же, на заседании СНК и СТО, требуемый ответ. Исполнение по этим запискам шло в минимальные сроки: иначе — получались уже другого рода записки.

Однажды мне пришлось получить и такого, назову тяжкого, содержания записку. Вопрос касался ликвидации сапожковского восстания в Приволжском районе. Владимиром Ильичем был задан конкретный вопрос, почему ликвидация не была закончена в назначенный срок? Штаб заготовил достаточно пространный и маловразумительный доклад. Доклад был охарактеризован Владимиром Ильичем бюрократической отпиской, и главнокомандующему было предложено отказаться от бюрократических навыков. Этот предметный урок был вполне и мною и штабом заслужен, но, к сожалению, он не был последним.

Такого же рода урок пришлось получить много позднее, по окончании гражданской войны, когда три центральных управления Наркомвоенмора дали три разные численности бойцов Красной Армии. Этот случай доставил много неприятностей всему РВСР.

Э. М. Склянский аккуратно сохранял эти записки Владимира Ильича. В день кончины Владимира Ильича в понятном порыве воспоминаний мы с Э. М. Склянским пересмотрели ряд этих записок, и перед нами раскрылась картина их значимости.

Сколько важнейших вопросов было разрешено, выяснено или намечено такого рода перепиской на заседаниях СНК и СТО! И что особенно поражает, так это та грандиозная осведомленность до мельчайших деталей Владимира Ильича во всех вопросах по Наркомвоенмору. Именно эта осведомленность и позволяла Владимиру Ильичу буквально с полуслова понимать, о чем идет речь в этих коротких, лаконически изложенных записках, и столь же короткими ответами давать решения по ряду ответственных вопросов.

Записки, которыми располагал Э. М. Склянский, имеются в материалах Института Маркса—Энгельса—Ленина. Две из

них, относящиеся к 1921 году, помещены в XX «Ленинском сборнике».

Чрезвычайно характерна по своей лаконичности записка от 5 марта 1921 года: «Секретно. т. Склянский! Где Миронов теперь? Как дело стоит теперь? Ленин»*.

Вопрос касался Миронова, бывшего командующего 2-й Конной армией, арестованного и отправленного с обвинительным актом в Москву.

* *
*

Владимир Ильич повседневно и непосредственно руководил Красной Армией. Руководство это выражалось вовсе не в том только, что Владимиру Ильичу ежедневно представляли сводки и зачастую по его требованию делались письменные доклады штабом РВСР. Повторяю, Владимир Ильич организовал борьбу страны в целом, борьбу, в которой действия Красной Армии были только частью остальных мер борьбы. По всем многочисленным каналам борьбы Владимир Ильич знал действительную обстановку на фронтах, в армиях и на отдельных участках боевого фронта. В тысячах случаев осведомленность Владимира Ильича о действительном положении вещей была больше, чем у штаба РВСР. Вполне понятно, что вся эта работа Владимира Ильича по организации борьбы самым непосредственным путем отражалась на одном из главных звеньев обороны — Красной Армии. Руководство Владимира Ильича в этом отношении Красной Армией было глубже и шире, чем председателя РВСР. К слову сказать, я припоминаю только один личный доклад по оперативным вопросам председателю РВСР, не говоря о докладах на РВСР, тогда как лично Владимиру Ильичу оперативных докладов было много больше.

Организация борьбы шла под повседневным контролем и нажимом Владимира Ильича. Но и контроль и нажим были какими-то особыми, своими, надо думать, присущими только Владимиру Ильичу. Это не был только обнаженный нажим или контрольная проверка исполнения. Это было скорее обнажение твоего неумения работать по-новому. По этому поводу возвращаюсь к случаю с бюрократизмом в докладе по делу о ликвидации сапожковского восстания. В срок задача выполнена не была. На запрос, почему не выполнена, — бюрократическая отписка. Изволь работать по-новому, слабая сторона в твоей работе — бюрократизм; дальнейшая задержка в ликвидации нетерпима. В результате ликвидация

* «Ленинский сборник» XX, стр. 17.— Рзд.

была закончена в срок. Оговорюсь, что главной причиной первых неудач с Сапожковым действительно оказался бюрократизм и очень скверного порядка, который вскрылся несколько позже.

Сапожков был не так неуловим, как живуч. Банды Сапожкова настигались нами, разгромлялись и затем все же быстро оживали. При проверке выяснилось, что оживали они за счет наших же патронных складов. Напомню, что Сапожков до своего восстания был командиром бригады Красной Армии и со своей бригадой восстал. Базы, на которых сапожковская бригада довольствовалась до восстания, «не списали» с довольствия и после восстания. Он и продолжал довольствоваться, что главным образом помогало ему быстро оживать.

Нажим Владимира Ильича создавал и новые темпы борьбы. Оговорюсь, что мне не приходилось тогда слышать слова «темпы». Но они создавались прежде всего кипучим руководством самого Владимира Ильича. Проработки и согласования вопросов проходили в таких темпах, что время, требуемое для этого, трудно было уловить. У меня остались воспоминания о крайней быстроте принимаемых решений и не менее быстром прохождении распоряжений на места.

Организуя борьбу, Владимир Ильич руководил как построением Красной Армии, так и ее снабжением, вооружением и продовольствием. Последний вопрос был едва ли не самым тяжелым. По вопросам снабжения был создан снабженческий орган Чусоснабарм и по продовольственным — Главснабпродарм. Оба органа находились под непосредственным руководством Владимира Ильича. Воспоминания товарищей, возглавлявших оба органа, вероятно, обрисуют работу Владимира Ильича в этой области. В порядке лишь общих замечаний необходимо отметить, что работа Чусоснабарма протекала в большой близости и сотрудничестве с РВСР и главнокомандованием. Что же касается работы Продарма, то тут было много всякого рода стычек. До Владимира Ильича не могли не доходить жалобы и взаимные нападки сторон друг на друга. Прошел довольно значительный период времени, пока эти отношения отрегулировались и наступило взаимное понимание. Основным моментом раздора был пункт в положении о Продармах, гласящий, что начальники Продарма на фронтах и в армиях существуют «на правах» командующих фронтом или армией. Этот пункт обеспечивал независимое от командования существование и деятельность этих органов. Так как вопросы продовольствия на фронтах были очень трудными и в армии имелись свои продовольственные аппараты, то создавалось двоевла-

стие по труднейшим моментам существования армии. Началась «драка», сперва, пожалуй, из-за принципа, а позднее уже и чисто делового порядка.

В порядке самокритики надо сказать, что в отношении захватываемых у врага «трофеев», а в число трофеев входили и захватываемые у противника продовольственные склады, должного порядка было немного. Поэтому вокруг такого рода трофеев всегда подымалась невероятная распря между военными снабженцами и работниками Продарма. Владимиру Ильичу приходилось частенько заниматься разбирательством такого рода случаев, а также приходилось принимать и меры предупреждения против их повторения. В каждом отдельном случае начали создавать полномочные комиссии для дележа трофеев или назначался один товарищ с теми же полномочиями для распределения имущества, попавшего к нам от противника.

В отношении оперативной деятельности Красной Армии руководящая роль Владимира Ильича определялась прежде всего тем, что Красная Армия была инструментом политического руководства.

Вопрос о том, куда должен быть направлен удар Красной Армии в первую очередь, куда во вторую, несомненно, должен был решаться тем, кто руководил всей политикой страны. Красная Армия была в кольце белогвардейских фронтов. Оценка всех фронтов и принятие решения, какой из фронтов должен был быть ликвидирован в первую очередь, являлись задачей первейшего значения по тому времени. Правильное решение этого вопроса по существу определяло всю дальнейшую ликвидацию белогвардейщины. Под руководством Владимира Ильича эта труднейшая задача была решена.

Восточному фронту была предоставлена первоочередность. Лозунг «Все на Восток» оповестил о принятом решении всю Красную Армию.

Временные неудачи на Южном фронте и в связи с этим проявленная слабость главнокомандования едва не сорвали твердого проведения данного Владимиром Ильичем плана действий. К этому самому моменту и относится то разногласие об обстановке наступления частей Восточного фронта на реке Белой, о котором я вскользь указывал выше.

Перед Владимиром Ильичем был поставлен оперативный вопрос исключительной важности. Трудность решения усугублялась тем, что не только главнокомандующий, но и РВСР в лице его председателя Троцкого стояли за то, чтобы отказаться от дальнейшего наступления на Колчака и, остановившись на реке Белой, немедленно начать пере-

броску частей Красной Армии с Восточного фронта на Южный. Яснее говоря, стояли за отказ от принятого Владимиром Ильичем решения в первую очередь ликвидировать Колчака.

Владимир Ильич с непревзойденным талантом решил стратегический военный вопрос: принятое решение об отказе остановить наступление остается в силе. Ликвидация Колчака продолжается с еще большим нажимом. Проработан план переброски сил на Южный фронт по календарным срокам. Главнокомандование сменяется. Ставка главнокомандования перемещается в Москву.

Недовольный принятым решением, председатель РВСР Троцкий подает в отставку. Отставка Троцкого не принимается. Троцкий после этого долгое время не руководит и не присутствует в РВСР. Он ездит в своем поезде, но не появляется на Восточном фронте, так как перестал им интересоваться.

Когда я прибыл в Москву, зампред РВСР т. Склянский поставил меня в известность, что Троцкий не согласен был с моим назначением, но что в будущем он примирится. Эти настроения Троцкого мне очень и очень не понравились и очень серьезно беспокоили. Мне представлялось, что работа в этих условиях будет просто невозможна. Успокоительные речи т. Склянского о будущем примирении мне казались сомнительными.

Исключительную, неоценимую поддержку оказал мне в этот период член РВСР т. С. И. Гусев. Он более полно ввел меня в курс дела, он помог мне разобраться в обстановке других фронтов, он избавил меня от очень многих неожиданностей, не забывая ознакомить с каждой мелочью, играющей ту или иную роль в обстановке большой работы.

Самоустранение Троцкого от руководства РВСР в связи с перемещением штаба главнокомандования в Москву, на мой взгляд, мало отразилось на работе главнокомандования. Мне кажется, что это обстоятельство привело в ряде случаев к непосредственному руководству Владимиром Ильичем работой РВСР.

Первый мой, как главнокомандующего, доклад Владимиру Ильичу по оперативным вопросам был в последних числах июля 1919 года в связи с угрожающим положением под Курском. Явно назревающие здесь события вызвали тревожные телеграммы местных ревкомов с просьбой принятия мер отпора белогвардейцам. Владимир Ильич потребовал соображения главнокомандования по организации этого отпора белогвардейцам. Доклад о предстоящей операции был заслушан Владимиром Ильичем лично.

Операция имела ограниченную задачу — предупредить наступление противника встречным ударом с целью отбросить белогвардейщину от Курска и захватить харьковский узел. Время на подготовку было больше чем ограничено, приходилось пользоваться тем, что было под рукой. Операция началась в начале августа и на первых шагах развернулась довольно успешно: части Южного фронта заняли Валуйки, Купянск, Волчанск и подходили к Чугуеву, но тут были приостановлены белогвардейской конницей генерала Шкуро, после чего наше наступление захлебнулось. Кроме того, 10 августа Южный фронт был прорван конницей Мамонтова, прошедшего рейдом по нашим тылам.

Неудачная операция вскрыла большое неблагополучие общего порядка на Южном фронте и необходимость принятия мер как по линии подбора командования, так и по линии генеральной перегруппировки сил.

На Восточном фронте события продолжали разворачиваться успешно, в связи с чем первоочередность действий, естественно, перемещалась на Южный фронт. Однако подготовиться к генеральным событиям Южный фронт не успел. Владимиром Ильичем было назначено новое командование. Перегруппировку же сил пришлось производить уже в процессе начатых белогвардейщиной операций, сразу же развернувшихся не в нашу пользу.

17 сентября 1919 года добровольческая армия Деникина перешла в наступление, захватив у нас Курск и развив наступление на Орел. Для руководства обороной Южного фронта ЦК назначил т. Сталина. 16 октября 1919 года армия Деникина остановилась на путях к Туле. Для парирования этого удара Деникина спешно создавались две контрударные группы: одна — в районе Карачева, где была образована 13-я армия Уборевича, и другая — в районе Воронежа, куда с царицынского фронта перебрасывалась конница Буденного.

Одновременно с этими событиями с 11 по 16 октября 1919 года на петроградском направлении перешел в наступление Юденич. Он овладел Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и Павловском, подкатываясь к Петрограду, и тут пришлось принимать чрезвычайные меры и группировать силы для контрудара.

Дни между 11 и 16 октября 1919 года были самыми тревожными. Наступление противника в указанных направлениях продолжалось, а собираемые нами для контрудара силы только сосредоточивались в исходных районах.

Донесения с фронтов получались чуть не ежечасно. От-

ветственнейшие решения приходилось принимать в минимальные сроки. Все важнейшие донесения и принимаемые решения т. Склянский передает немедленно по телефону в Кремль Владимиру Ильичу. Как правило, мы расстаемся с т. Склянским очень поздно, на рассвете. Следующий день опять тревожные звонки. Спешно встречаемся опять в кабинете т. Склянского. Под Петроградом дела значительно ухудшились, приходится принимать крайние меры, бросать резерв, созданный специально для защиты Тулы. По телефону тут же т. Склянский сообщает о принятом решении Владимиру Ильичу. Этот резерв был назван «пиковой дамой» — последний козырь, долженствующий дать нам выигрыш. Дорого стоила и главнокомандованию и т. Склянскому эта «пиковая дама». Чувство ответственности принимаемого решения буквально жгло мозг.

Нагромождение всяких неблагоприятных событий создавало тревожную обстановку. Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню. Непокколебимое спокойствие Владимира Ильича в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования.

После ликвидации Юденича и успешного наступления нашей армии на Южном фронте, когда штаб Южного фронта перешел уже из Паточной в Харьков, однажды декабрьской ночью, около 2 часов, совершенно для меня неожиданно в мой кабинет вошел Владимир Ильич в сопровождении т. Склянского.

Владимир Ильич оглядел обстановку, зашел в особую комнату, где на столе были разложены карты фронтов с точными отметками местонахождения наших частей, задал несколько вопросов, касающихся обстановки на фронтах, и несколько вопросов общего порядка.

Затем Владимир Ильич переговорил по прямому проводу с Харьковом. Телефонный аппарат находился тут же в кабинете. Тов. Склянский и я на время разговора вышли из кабинета. После этого, задав еще несколько вопросов общего порядка, Владимир Ильич уехал в Кремль.

После отъезда Владимира Ильича мне немедленно позвонил Э. М. Склянский и спросил: «Ну, вы довольны, что Владимир Ильич зашел к вам?» Понятие «доволен» меньше всего подходило к определению того, что я чувствовал после ухода Владимира Ильича. Ведь Владимир Ильич, насколько мне известно, был первый и последний раз в здании РВС и побывал в моем рабочем кабинете. Мои переживания в этот момент, думаю, понятны для тех, кто представит себя в моем положении.

* *
*

Оперативный план белопольской кампании рождался не в пример всем остальным планам гражданской войны в больших потугах. Этому плану предшествовали проработки вариантов южного и северного направлений. Варианты докладывались Владимиру Ильичу. Докладывал начальник штаба П. П. Лебедев в присутствии т. Склянского и моем в кабинете Владимира Ильича. Владимир Ильич интересовался подробностями. Особо подробно было доложено состояние железных дорог. Тут же докладывался вариант переброски I Конной армии т. Буденного походным порядком с Северного Кавказа на правобережье Днепра и попутная задача, возлагаемая на армию по ликвидации банд Махно. Окончательное решение на этом докладе принято не было. Оно было принято позднее.

5 мая 1920 года московский гарнизон провожал на белопольский фронт маршевые молодые рабоче-крестьянские батальоны. Московский гарнизон и батальоны, отправляемые на фронт, были построены на Театральной (ныне Свердлова) площади. Правый фланг примыкал непосредственно к зданию театра. Небольшая трибуна была построена в сквере, расположенном перед театром. С этой трибуны с речью выступил Владимир Ильич. Теперь, когда мы вынуждены воевать, говорил Владимир Ильич, вы должны помнить, что вы идете на фронт как братья польских рабочих и крестьян, что вы идете не как угнетатели, а как освободители. С польскими рабочими и крестьянами у нас нет ссоры...

Речь Владимира Ильича была короткой, может быть даже очень короткой, и в то же время она была исключительно сильной — сильной своей простотой. Она отвечала тому, что у каждого в тот момент было на уме. Она была произнесена нашим Лениным, таким близким, таким дорогим и понятным каждому красноармейцу, каждому присутствующему на площади. Неизгладимо запомнился мне этот митинг, да, вероятно, и всем, кто тогда там был. Крепко запечатлелась у меня вся картина и настроение этого митинга. Чтобы понять тот восторг и энтузиазм, с которыми был встречен Владимир Ильич бойцами и провожающими их рабочими, надо было быть на площади.

В ходе операции против белополяков мне было приказано каждые сутки докладывать Владимиру Ильичу карту с нанесенным расположением результатов суточных передвижений частей Красной Армии на Западном фронте.

* *
*

Одновременно с белопольским ликвидировался и врангелевский фронт. Этот фронт был последним белогвардейским участком. За период борьбы против поляков Врангель добился больших успехов. Он вылез из Крыма, широко распространился по Таврии и занял угрожающее положение по отношению к правобережью Украины, а следовательно, и к частям Красной Армии, занятым борьбой с белополяками. Наши неудачи на врангелевском фронте привели в середине сентября 1920 года к решению выделить этот участок в самостоятельный фронт. До этого выделения врангелевский фронт подчинялся командующему Южным фронтом, действовавшим против белополяков. Южный фронт против белополяков был переименован в Юго-Западный. Фронт же против Врангеля был наименован Южным. Командующим этим новым Южным фронтом был назначен М. В. Фрунзе, который вплотную и занялся ликвидацией врангелевской белогвардейской армии.

Владимир Ильич уделял много внимания ликвидации этого участка, тем более, что эта ликвидация происходила несколько необычно. Так, например, было включение частей Махно в общее командование Красной Армией, было вмешательство Лондона в виде предложения своего посредничества по переговорам с Врангелем, были и случаи совместных действий с нами зеленых организаций* против Врангеля. Ясно, что во всех таких случаях вопрос решался с ведома или непосредственно Владимиром Ильичем. Надо оговорить, что М. В. Фрунзе в период ликвидации Врангеля имел не однажды непосредственные указания и директивы от Владимира Ильича по ряду вопросов, связанных с ликвидацией. Надо не забывать, что принимался целый ряд мероприятий, чтобы не дать Врангелю с остатками своих частей удрать на военных и других кораблях бывшего Черноморского флота.

С ликвидацией Врангеля, собственно, закончилась ликвидация всех белогвардейских фронтов.

Однако боевая деятельность Красной Армии еще не закончилась. Со стороны белополяков продолжался пропуск банд Булак-Балаховича в наши западные приграничные районы. Затем финляндские фашисты произвели диверсию в Северной Карелии, и, наконец, в Средней Азии процветало басмачество, поддерживаемое из-за рубежа. Особо серьезная вспышка басмачества была связана с выступлением Энвер-паши. Из перечисленных операций наиболее крупными

* Кулацкие банды.— *Ред.*

надо признать карельскую и энверовскую авантюры. Прямых докладов по этим авантюрам Владимиру Ильичу у меня не было. Однако мои телеграфные сообщения с места действия (в ликвидации и карельской и энверовской авантюры я принимал непосредственное участие) докладывались Владимиру Ильичу. Знаю это потому, что по ряду моих предложений Владимиром Ильичем давались указания.

Весной 1921 года Красная Армия приступила к демобилизации. Штаб РВСР разработал достаточно детальный план проведения демобилизации, причем сроки демобилизации были довольно велики. Владимир Ильич не согласился с этими сроками и опять подошел к этому вопросу с революционной смелостью. Он дал минимальные сроки роспуска мобилизованных красноармейцев и оказался опять прав. Демобилизация была произведена примерно в указанные Владимиром Ильичем сроки. Правда, необходимо оговорить, что нажим на РВСР, понуждая нас укладываться в данные для мобилизации сроки, Владимир Ильич делал не фаз. Именно в этот период демобилизации и произошел тот случай представления сведений о различной численности Красной Армии центральными управлениями Наркомвоенмора, о котором я говорил выше.

Красная Армия вступила в период передышки. Началась кропотливая работа по размещению красных частей в казармах, приведение их в порядок и переход к боевой учебе.

* * *

*

Владимир Ильич заболел, но я не знал, что он болен безнадежно. Тем сильнее и тяжелее я пережил удар, когда в 7 часов вечера 21 января 1924 года Э. М. Склянский попросил меня срочно зайти к нему в кабинет и сообщил, что Владимира Ильича больше нет. Тов. Склянский также сказал, что мне разрешено сегодня же ехать в Горки и что я включен в число товарищей, которые будут сопровождать тело Владимира Ильича из Горок в Москву. Поезд отходил в Горки ночью. Необычайная тишина и сосредоточенность царили в вагоне, разговоры велись вполголоса, как будто имелась опасность нарушить чей-то покой. Без шума мы разместились по крестьянским саням, высланным крестьянами из окрестных деревень для встречи приехавших, и в полной тьме добрались до усадьбы, где жил последние дни Владимир Ильич. В доме было уже много товарищей, прибывших первым поездом. Осмотревшись, я присоединился к группе товарищей, разместившихся в зале. Вся ночь была наполнена воспоминаниями о последних днях Владимира

Ильича. Никто не спал. Ждали наступления утра, чтобы принять участие в переносе тела Владимира Ильича из усадьбы до станции и сопровождении его в Москву.

Только сознание, что Владимир Ильич оставил после себя закаленную и испытанную в жесточайшей борьбе партию, смягчало мысль о понесенной утрате.

Сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 2. М., 1957, стр. 249—265

Впервые опубликовано: «Красная новь», 1934, кн. 1, стр. 6—17.